

О ГЛАВЛЕНИЕ

ШТОРМ	9
ПИРОШКА	26
УГОЛЕК	44
ИРЭДЗУМИ	68
МАЛЬЧИК В ЛОДКЕ	86
ФАУНА	107
ГРЯЗЬ	134
МАКАКА	162
РЕЗНОЙ БЕС	192
ЧЕРНЫЙ КОРАБЛЬ	212
ВОЛЧЬЯ ПАГУБА	230
ЕЩЕ ПАРА ПУГАЮЩИХ ДО ДРОЖИ ИСТОРИЙ	
ОТЕЦ	244
РУСАЛКА	248

Посвящается Адаму

Целых три дня побережье терзал неистовый, бешеный шторм. Волны бросались на древние скалы с невиданной яростью. Мне ни разу не доводилось видеть ничего подобного за все мои тринадцать лет — а я нигде больше и не жил.

«Старый трактор» — мой дом — ютился на вершине скалы, цепляясь за нее изо всех сил, как моллюск, прилепившийся к камню во время прилива. Он стоял на угловатом выступе, который веками глодала непогода, и с остальным Корнуоллом его соединял лишь тонкий перешеек, обгрызенный с обеих сторон, словно сердцевина яблока, и обточенный до формы моста. Перекуси его — и наш трактор делается островом, а мы с семьей — островитянами.

Смертоносный шторм пронесся по Атлантике внезапно, рыскал, точно изголодавшийся хищный зверь. Он хватал когтями рыбаков по всему побережью, и их вдовы с осунувшимися лицами бродили у причалов и входов в гавань.

В первый день клипер, попытавшийся обогнать шторм, налетел на зубья скал примерно в миле от берега и затонул со всей командой: волны вздымались горами, и спасательная шлюпка не могла к ним подобраться.

На следующий день в заливе показалось другое судно, ветхое с виду, едва различимое среди низких облаков и брызг, и все на берегу молились, чтобы ему удалось перехитрить ветра и избежать участи затонувшего корабля. Я молился о том же, стоя в разоренном ветром саду и глядя на море.

Хотя «Старый трактир» стоял обособленно и в довольно опасном месте, у нас всегда былолюдно и славно, во многом благодаря отцу: у него всегда находилось время выслушать чужие печали, пошутить или поделиться толикой мудрости, которая свойственна тем, кто нашел свое призвание в трактирном деле.

Может показаться, что расти в трактире не так уж хорошо для ребенка, но мы с Кэти ни за что не поменялись бы с другими детьми в Англии.

К морякам, что захаживали в трактир, мы относились как к родным. Не скрою, встречались среди них и грубияны, и горячие головы, но всегда были и те, кто охотно рассказывал нам истории о своих приключениях и странствиях. Зачарованные, мы слушали до последнего, пока мать не загоняла нас в постель, не обращая внимания на наши мольбы остаться еще на несколько минуточек.

Никаких детей не любили так сильно, как нас; эти воспоминания — как яркий свет, такой сильный, что слепит глаза. Но так продолжалось недолго.

Когда наша мать умерла родами, взяв нашего (как оказалось) брата с собой на небо, отец, который всегда был самым лучшим отцом и благороднейшим человеком, начал соскальзывать в омут отчаяния, обильно принимая бренди и портвейн и прикладываясь ко всякой открытой бутылке.

У него не осталось поводов для шуток, и ничьи печали не могли сравниться с его собственными. Мудрость, которой он некогда одарял других, он, казалось, растратил. Он был угрюм и раздражителен даже с друзьями, тщетно призывавшими его найти утешение в детях.

Но мы с Кэти никак не могли служить ему утешением — отнюдь. Мы напоминали ему о потерянной любви. Кэти была точнейшей копией нашей

матери в миниатюре, и зачастую казалось, что ему больно смотреть на нее. Но как бы он ни отвергал нас, он по-прежнему оставался нашим отцом, и мы нежно любили его. Я считал его примером того, каким должен быть мужчина, и вырос с единственным желанием — походить на него во всем.

Посетители наши были, однако, не столь снисходительны. Мало-помалу трактир начал пустеть. За-всегдаги и друзья семьи, которые некогда запросто взбирались на скалу по тропинке, оставались теперь в деревне, а путники, предупрежденные о негостеприимном нраве отца, к нам не заезжали.

Его душевное состояние становилось все хуже и хуже. У него случались приступы неудержимого гнева, от которых мы с Кэти прятались, забившись в свои комнаты, а когда решали, что опасность миновала, выходили и неизменно видели, как бедный отец пьяно всхлипывает у камина. Несмотря на связывавшие нас узы, отец с каждым днем отдалялся все больше и избегал смотреть на нас — не хотел или не мог выдержать наших взглядов, — отталкивал нас и молил оставить его в покое, который он, казалось, потерял навсегда, и мы вместе с ним.

Похоже, шторм подействовал на него особенно плохо. Словно трехдневный ураган расшатал его рассудок, выкорчевал и разбил в щепы. Отец был

странно воодушевлен буйством погоды и вел себя все более возбужденно и деятельно.

Из окна своей спальни я наблюдал, как он ходит по палисаднику, за которым мать ухаживала с такой любовью, но который теперь зарос чертополохом и сорной травой, а буря еще и прибила растения к земле. Сгибаясь под натиском ветра, отец маниакально, но в то же время методично собирал высокие голубые цветы в печальный букет. Я поразился тому, как он рыдает. Видеть это мне было горько.

А потом, на третью ночь шторма, мы с Кэти свалились с ужасной хворью. Сначала она поразила Кэти, но всего лишь примерно на час. Болезнь охватила нас пугающе быстро, лицо и гортань странно онемели, затем последовала жуткая тошнота и рвота. Мы не сомневались, что вот-вот умрем, и закричали, будто были малыми детьми, — на этот зов мать наверняка прибежала бы к нам наверх.

Это потрясение, кажется, привело отца в чувство. Его будто подменили. Он утешал нас так заботливо, как только может родитель, и сказал, что скоро все будет хорошо: он пойдет за доктором, а мы должны оставаться дома, ни в коем случае не выходить и никого не впускать. Я никогда не видел его таким удрученным. Он выглядел полупомешанным от беспокойства, и за это мы прониклись к нему нежностью.

Мы обещались, и отец ушел, уверив нас, что вернется быстрее, чем мы заметим его отсутствие. Он уложил нас с Кэти в свою кровать, и мы вытянулись рядом в темноте. Я слышал дыхание Кэти — как и мое, оно стало частым-частым — но постепенно замедлилось, выровнялось. Потом я заснул.

Трудно сказать, сколько я проспал. Ветер могучим драконом ревел за стенами и, как, впрочем, и следовало ожидать, потревожил мой сон. Я проснулся во мраке, хватая ртом воздух, словно вынырнувший из черного океана моряк, чей корабль поглотила пучина. Но боль, к моему великому облегчению, утихла.

— Кэти, — прошептал я, — ты не спишь?

— Нет, — ответила она чуть погодя. — Но я чувствую себя как-то странно.

Я понял, что она имеет в виду. Симптомы болезни, кажется, исчезли, но вместо них появилось легкое головокружение. Я сказал, что, вероятно, нам стоит встать и подождать отца внизу, у камина, и Кэти согласилась.

Мы оделись и спустились в главную залу трактира, которая до недавнего времени полнилась звуками голосов, звоном стаканов и стуком оловянных кружек, а теперь пустовала, и в ней, мерцая в свете огня, двигались только беспокойные дрожащие тени от стульев.

Я спросил Кэти, не почитать ли мне вслух, она охотно согласилась, и мы, как часто бывало, устроились у огня. Я намеревался развлечь ее немудреными выдумками, всякими фантастичными вещицами, чтобы успокоить до возвращения отца. Но мне следовало быть умнее.

Сколько я себя помню, мы с Кэти питали непреодолимую склонность к историям мрачного толка, особенно тем, где повествование несется по вздымаемым штормами океанам или пристаёт к пустынным неизвестным берегам. Вкус к таким рассказам мы приобрели, жадно слушая постояльцев-моряков, а их байки были не для детских ушей, и знай об этом мать, она отсылала бы нас в постель еще раньше.

Эти рассказы, хотя и жуткие, мы знали так хорошо, что они успокаивали нас, как других детей колыбельные, и именно к ним мы обращались в надежде отрешиться от реальных горестей и забот. Они переносили нас в то счастливое время, когда дела в трактире шли хорошо, в то время, когда смерть и скорбь существовали лишь в историях и чужих жизнях.

Ветер снаружи был такой сильный и так жалобно стонал и завывал в дымоходе, что пришлось повысить голос самым неестественным образом, чтобы Кэти слышала меня, но она не жаловалась, а лишь сидела и с неослабным вниманием ловила каждое мое слово.

— Последовала сцена самого кровавого побоища, — читал я. — Связанных моряков потащили к сходням. Там стоял кок, обрушивая топор на головы несчастных жертв, но остальные мятежники перебросили его через борт...

Грозная буря рвала с петель дверь сарая и бешено хлопала ею уже битый час, а то и дольше, поэтому мы не сразу сообразили, что стук, который был слышен теперь, шел от передней двери: в нее кто-то колотил.

Я побежал посмотреть, думая, что вернулся отец. Передняя дверь трактира находилась в конце небольшого и темного коридора, выложенного каменными плитами, и в ней было круглое оконце с толстым, как бутылочное дно, стеклом. Даже угадывая одни лишь контуры, я понял, что это не отец.

— Доброй ночи! — сказал человек снаружи. — Не впустите ли моряка переждать шторм?

— Мы закрыты, — только и смог ответить я, памятуя о наказе отца никого не впускать и не выходить из дома.

— Сжался, парень, — перекричал незнакомец гул шторма, очевидно, угадав по моему обеспокоенному голосу, что я юн. — Мне нужна тихая гавань всего-то на время, и потом я уйду. Не бросишь же ты меня погибать в такую дрянную погоду?

При этих словах буря завывала еще более дико. Действительно, в такой шторм жестоко держать на улице лишнюю минуту даже незнакомца. Ветер разъярился так, что всего за несколько мгновений до появления моряка он поднял в воздух тачку и швырнул ее в море. То же могло случиться и с человеком, в этом я не сомневался. Уверен, будь отец здесь, он впустил бы моряка, что бы он ни говорил перед уходом.

Когда я отодвинул щеколду, дверь распахнулась с такой свирепостью, что едва не пригвоздила меня к стене, а рев шторма и грохот бившихся о скалы волн обрушились на все мои чувства, так что я не сразу разглядел стоящую в дверном проеме фигуру, которую вспышка молнии выхватила из чернильной тьмы и почти просветила насквозь со всей возможной яркостью.

Я не мог различить его черт — он оставался тенью в дверном проеме, — но что-то в его лице сверкало, как крохотная звездочка.

— Я не причиню тебе и твоей семье ни вреда, ни неприятностей, даю слово.

Послышался очередной раскат грома — в такую ночь совесть не позволит захлопнуть дверь перед носом у незваного гостя, кем бы он ни был.

— Ладно, — сказал я неохотно. — Входите же скорее.

— Ты хороший парень, — ответил моряк с улыбкой. — Джона Теккерей добра не забывает. Будем знакомы.

— Итан Мэттьюс, — представился я, пожимая его руку: она была холодная и мокрая, как у торговца рыбой. Он совсем промок, и вода стекала с него, будто он только что выбрался из моря.

— Входите, — повторил я. — Не то простудитесь до смерти.

— Премного благодарен, — сказал он, переступая порог, а я навалился на дверь плечом, уперся ногами в каменные плиты пола и, поборовшись со штормом, умудрился ее захлопнуть. Стоило запереть дверь, как в трактире замечательным образом установилась относительная тишина, и наш маленький дом показался еще более спасительным убежищем.

Я повернулся к незнакомцу и удивился, поняв, что он едва ли намного старше меня: ему можно было дать самое большее лет семнадцать-восемнадцать. Он был одет в форму мичмана (хотя и довольно старомодную), но без головного убора, в черном кителе с латунными пуговицами, белом жилете и белой же рубашке. На поясе у него висел меч.

С черным платком, повязанным вокруг шеи, он был красив: темные как у морской птицы глаза на бледном лице, обрамленном смоляными воло-